

Денис
Драгунский

Денис
Драгунский

**записки
наладчика*

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

От автора

Нас мало. Нас, может быть, я один.

А может быть, вовсе никого.

20 августа 2019

Когда человек рассказывает о своей любовной жизни или о том, что он каждый день ест на обед, — он, как правило, врет. Он хочет показаться более страстным, романтичным и нежным; более изысканным и даже более богатым, чем на самом деле. Или наоборот — произвести впечатление человека холодного, грубого и даже подлого; неприхотливого, аскетичного или бедного. В любом случае он рисует какой-то привлекательный автопортрет, умильный или шокирующий — но в любом случае в расчете на собеседника.

Это же относится и к литературному сочинительству.

Один рассказывает, что он прямо как Моцарт, «гуляка праздный», и его шедевры рождаются как бы сами по себе, в кратких перерывах между пирами и свиданиями. Другой, напротив, живет по правилу «ни дня без строчки», буквально выполняя завет Жюль Ренара: «Талант — вопрос количества. Талант не в том, чтоб написать одну страницу, а в том, чтобы написать их триста». Третий, съездив на пару недель туристом во Францию, на полном серьезе говорит: «Мне так хорошо работается в Париже! Как я понимаю Хемингуэя!» Кто-то в наш век ноутбуков продолжает писать авторучкой и возводит это даже в некий творческий принцип, а кто-то — я, например, — утверждает, что пишет рассказы в метро, набирая их одним пальцем на экране планшета.

Должен признаться: в ответ на вопросы о том, как я пишу свои короткие рассказы, я тоже частенько интересничал. Я говорил, что у меня это нечто мистическое: утром я просыпаюсь с только что приснившимся рассказом, и задача состоит в том, чтоб донести его до клавиатуры. Но потом финал вдруг оказывается совсем другим, еще более неожиданным.

Это, как ни странно, правда. Но, конечно же, далеко не вся.

Рассказ приходит во сне — или днем вдруг как бы случайно залетает в голову, — пройдя сквозь запыленные завалы, сети и жернова бесконечного ежедневного текста. Бесчисленные заметки, замыслы, записки, выписки, подслушанные разговоры, внезапные соображения, пародии, споры, критические и пародийные строки...

«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи» — да, да, конечно, знаем. Но у меня дело обстоит совсем наоборот. Когда б вы знали, из какой луговой свежести, из какого обилия цветов и трав, стеблей и листьев, из какого облака жуков, стрекоз и бабочек, из каких ворохов пожелтевших страниц старых книг, из какого волшебного сплетения человеческих мыслей, пристальных взглядов, рук и ног, шепотов и криков, клятв и признаний — в конце концов получаются две-три странички рассказа.

Даже обидно. Напрашивается аналогия с гербарием. Или с фабрикой, где на любое изделие уходит очень много материала. Иногда кажется, что слишком много.

Одно утешение — весь этот луг, духовный и телесный, я записываю уже много лет, во всей его наивной красоте и нахальном уродстве.

Если бы я уже умер, я бы сказал, что от меня осталось дневников на четыре толстых тома. Туча заметок. Про политику. Про философию. Просто про жизнь, обычные ежедневные дела. И про литературу, конечно. Но поскольку я жив, я решил сделать подборку записей, которые в первую очередь касаются именно литературы, новой и старой прозы, профессиональных литературных умений.

Надеюсь, это будет интересно не только читателям, но и писателям — особенно молодым.

Хочу поблагодарить Елену Шубину и Веру Копылову за огромную помощь в работе над окончательным вариантом книги.

5 июня 2022

2007–2012

25 января 2007

Моя мама, Драгунская Алла Васильевна, скончалась сегодня утром в больнице села Вороново после месяца и трех недель тяжелой болезни. Прожила она 82 года, 7 месяцев и 14 дней.

Ксюша позвонила по мобильному, я как раз ехал на работу, в редакцию газеты «Правое дело». Я никому не сказал — ни друзьям-сотрудникам, ни водителю: вот, мол, какое горе, мама умерла. Поэтому и говорил с Ксюшей короткими фразами — «да, да, понял, да, я позвоню позже». Чтоб шофер не догадался, не спросил, что случилось, и чтобы мне не пришлось ему отвечать-объяснять-рассказывать.

Почему я так сделал? Не знаю.

В последние годы мама очень мучилась от артрита. У нее отказывали ноги. Она едва ходила, падала, ушибалась, отлеживалась, передвигалась на костылях, ее терзали боли в костях. Она всё время просила Бога о смерти, о легкой смерти во сне или хоть о какой-нибудь, но только бы поскорей.

Говоря о смерти, мама сначала просила, чтобы ее похоронили в той же могиле, где лежит урна с прахом моего отца, и чтобы эту урну выкопали и непременно дали ей в руки. Потом она сказала, что всё это глупости, пусть просто кремируют и зароят урну рядом. А потом сказала: «Есть такие заведения, ритуальные залы, что ли, пусть со мной там попрощаются. Проходит панихида, а потом гроб, как в крематории, опускается вниз, музыка играет, и все расходятся. Или идут на поминки. Потому что ехать в крематорий, они все так далеко, почти за городом, это же ужас, особенно, представь себе, зима, мороз, метель, очередь на кремацию, кошмар, зачем так людей мучить?!»

Как в воду глядела.

Зима, мороз, метель...

28 января 2007

Вчера были похороны мамы. Вернее, отпевание в церкви, кремация, потом поминки в дачном доме моей сестры Ксении, который стенка в стенку с моим. Впрочем, и больница была сельская, и церковь сельская недалеко, и крематорий на близком к нам кладбище. В церкви было человек 15, в крематории — восемь (Ксения, ее сын, муж, сестра мужа, еще один друг детства и мы с женой и дочерью). Мамина сестра (которой в марте исполняется 85) со своим сыном поехала из церкви домой, ждать нас. Очень долгую и разнообразную жизнь, полную встреч и знакомств, прожила моя мама — и вот такая штука. Ну, понятно, все ровесники поумирали. Однако я посчитал живых и здоровых и подумал, что на этих смиренных похоронах могли бы присутствовать втрое больше людей.

Не то чтобы я на кого-то обиделся. Просто наблюдаю.

В надгробной речи священник, проводивший отпевание, сказал вещь странную и замечательную: «Она много мучилась перед смертью. Мы ее причащали два раза. Ее пришлось пересоборовать, второй раз готовить к смерти. Она своими страданиями искупала свои грехи, которых не могло быть мало за столь долгую жизнь. Многие думают, — продолжал священник, — что Иисус Христос своими крестными муками уже искупил все-все наши грехи и мы можем жить как получится и умирать якобы должны легко, зная, что Спаситель уже пострадал за нас. Но это нечестно! Надо самим искупать свои грехи! И она их, наверное, искупила своими муками».

Вот ответ на вопрос — почему Всемогущий Господь заставляет мучиться малых сих. Но это — не мой ответ. Я сам не знаю ответа на этот вопрос.

7 июля 2008

Вчера умер Аксенов. Аксенова я помню, смеяться будете, с 1963 года, когда в Москве был чемпионат Европы по боксу.

Лужники, 2 июня 1963 года, финалы, потрясающее зрелище, какие имена! Невероятный Валерий Попенченко — он уложил румына Иона Моню в нокадаун на пя-

той секунде, а в нокаут на двадцатой! Ричардас Тамулис! Борис Лагутин! Нашему Дану Позняку не повезло против Збигнева Петшиковского, тот ему в первом раунде рассек бровь. Это был триумф советского бокса, наши взяли то ли шесть, то ли семь из десяти медалей. Мы были с папой. И там был Аксенов, папа с ним разговаривал, и я тут же вертелся. Мне двенадцать с половиной лет было, но я читал повесть Аксенова «Звездный билет» и смотрел фильм «Коллеги». Его все смотрели, самый популярный фильм года.

Потом я встретил его в 1994 году, в Вашингтоне, в гостях у Саши Чапковского, бывшего мужа моей подруги детства Иры Матусовской. Еще мы встречались в гостях у журналиста и дипломата Ильи Левина и в доме Михайлы Михайлова, русско-сербского диссидента. Мне показалось, что ему невесело живется. Он был какой-то выдубленный, безжизненный, хотя шутил и смеялся вместе со всеми.

Потом я вдруг увидел его в Москве, на улице, на задах нового МХАТа, не помню точно год, в самом конце 1990-х. Иду со своей болгарской подругой Наташей Куртевой. Навстречу Аксенов. Здравсьте, здравсьте. «А это моя знакомая, театральный критик из Софии, Наташа». Пожали руки, две-три фразы, разошлись. «А это кто?» — спросила она. «Аксенов!» — «Вот это да! Вот это экскурсия!» Только что мы с Наташей закусывали в «Маэстро» на Пушкинской, на втором этаже, и я ей показал в окно, как на другой стороне улицы Алла Пугачева выходит из казино и в сопровождении охранника, распростершего над ней зонтик, залезает в свой длиннющий лимузин...

Конечно, это всё ерунда какая-то. На мемуары не тянет. Но неужели надо серьезным тоном про вклад Аксенова в литературу и общественную жизнь?

У него были прекрасные молодые рассказы. Был великолепный перевод «Рэгтайма» Доктороу. Ну, про «Бочкотару» и «Остров Крым» я и не говорю. А его большие романы мне кажутся не очень, увы. Но это ничего не значит. Это действительно утрата. Как Майкл Джек-

сон и Людмила Зыкина, хотя я не поклонник ни того, ни другой.

Неважно. Когда погрёбают эпоху, спор о вкусах как-то не звучит.

13 января 2010

Пейзаж после битвы.

История русской советской литературы — точнее, история разгрома, а также сдачи и гибели уцелевших остатков русской литературы — еще не написана. Стыдно называть литературой рыдания и попискивания, которые слышались в ходе этой катастрофы. При всем сочувствии к ее жертвам. Но давать совпису фору за то, что он жил при Советах, — так же глупо, как давать фору графomanу за то, что он пишет после тяжелого трудового дня.

Интим с властью — вот что опошлоло советскую литературу до полного бесстыдства. Ни у какого досоветского писателя нет ничего похожего на тот вездесущий, масштабный, обожаемый образ власти, который создала советская литература. Поразительна эта страстная, почти плотская влюбленность в вождя. Чуковский в своих дневниках договорился до того, что Сталин — женственно прекрасен. Пастернак пишет Сталину, «повинуясь чему-то тайному, что привязывает меня к Вам».

Совпис целиком захвачен советской властью, пронизан ее проблемами; он воспринимает их как свои собственные, задушевные.

Сейчас начинаем потихоньку выбираться из ямы. Сегодняшнее фестивальное, то есть чуть легкомысленное бытование литературы, без зряшных и претенциозных попыток ответить на все проклятые вопросы, — это всего лишь возвращение нормальности.

Фестиваль, и особенно литературный интернет, смягчает идейные противостояния. Становится средством массовой психотерапии. Учит выражать боль и ярость не ножом и бомбой, а словами. Выразить в звуке всю меру страданий своих. Я читал недавно, что на конкурс «Дебют» (до 25 лет должно быть автору) поступило 400 000 работ. Целый областной город. Почти полмил-

лиона молодых людей спасены от тупой и опасной злобы. Это очень хорошо. Это великолепный культурный итог.

Правда, надо учесть, что в ходе такой самотерапии редко создаются тексты, которые выдерживают проверку временем и/или широкой аудиторией. Ну и что?

Литературы от этого не убудет.

12 марта 2010

Сегодня утром один журнал попросил рассказать, какая книга оказала на меня самое сильное влияние. Дали подумать полчаса. За это время в голове чего только не пронеслось.

Любимая русская классика: «Онегин», «Мертвые души», «Анна Каренина», «Бесы». А также весь Чехов.

Любимая мировая классика: «Дон Кихот», «Исповедь», Скиталец, Михаэль Кольхаас, «Красное и черное», «В поисках утраченного времени», «Процесс», «Посторонний», «Три женщины».

Любимая античность: «Илиада», диалоги Платона.

Моя любовь повыпендриваться: ах, как приятно сообщить, что мои любимейшие писатели – Томас Мэлори, Луи-Фердинанд Селин и Ирвин Уэлш. И вообще говорить загадками: ну кто сразу догадается про «Трех женщин»? Это Роберт Музиль, три повести с таким общим заглавием.

Чепуха какая, Господи Иисусе. Хотя все указанные книги и авторы – прекрасны. Но какое это имеет отношение ко мне? В смысле оказания влияния? Да ноль целых фиг десятых!

Только что понял: «Дети капитана Гранта», господа. И точка. Эту книгу я прочел в десять лет. И потом перечитывал много раз. Из этой книги я понял две вещи: мир широк и прекрасен, а люди – добры и благородны. Правда, в дальнейшем это сбывалось только наполовину. В лучшем случае. Ну и пускай!

26 июня 2010

Женский образ. Когда-то девочки в школе влюблялись в книжных героев. Одни – в князя Андрея. Другие –

в Долохова. Это были две партии. Два мировоззрения. В Пьера Безухова не влюблялся никто. Толстый и в очках.

Поэтому, кстати, мальчики не влюблялись в Элен. У нее были «полные руки».

Но, кажется, мальчики вообще не влюблялись в книжных героинь.

Разве что Петя из повести Катаева «Хуторок в степи». Но во-первых, это давно было. Во-вторых, он на самом деле не влюблялся. Он просто сравнивал Мотю и Марину с Марфенькой и Верой из романа Гончарова «Обрыв». И никак не мог решить, кто он сам в этом раскладе — Волохов или Райский?

А если честно — в кого влюбляться? Ну, не в Наташу же Ростову, честное слово! В глуповатую Кити? В сумасшедшую Асю? Может, еще Грушеньку посоветуете? Или Олю Мещерскую?

Кошмар какой. Или я просто забыл кого-то?

10 сентября 2010

Ксения Ларина сказала, что Юрий Бутусов плохо поставил Шекспира. Может быть. Вопрос в другом. Никого не надо ставить давнее Чехова. Глупо и незачем. Понять страсти героев античных трагедий, Шекспира, Корнеля и даже Шиллера мы не можем. В принципе. А вчинять в Шекспира свои страсти — это как-то бесстыже. Всё равно что фотошопить Рембрандта или раскрашивать Микеланджело.

Хотите ставить классику? Ставьте Чехова, Ибсена, Горького, Теннесси Уильямса, О’Нила, Беккета, Ионеско, Ануя. Да хоть Булгакова.

А вообще надо ставить современных авторов. Сегодняшних. Их ведь много. Наверное, есть и достойные великих маэстро Бутусова, Райкина, Туминаса, имена же их, Господи, веши.

Анатолий Эфрос писал — пьесу надо разгадывать, как кроссворд, как головоломку. Надо сочинять роман, инсценировкой которого как бы является данная пьеса. Этого широкая режиссерская масса не любит, да и не может. Поэтому в 1980-е так любили ставить советскую прозу —

Абрамова, Айтматова, Бондарева и далее по алфавиту. Потому что роман уже написан, все мотивы, мысли и биографии героев, которые надо досочинять, — ясны. Поэтому в 1990–2010-е годы ставят сплошную классику. Потому что она уже обсосана и разжевана. Потому что задача режиссера — выпендриться («Гамлет» в декорациях и контексте Макдоналдса — «МакГамлет!») или спародировать предыдущую постановку. Творчества здесь на три копейки. Это — заполнение пустот. И вообще это неприлично.

Всё равно как писать натюрморт «Подсолнухи в глиняном кувшине». Или большую историко-религиозную композицию «Явление Христа народу». Ясно, что привлекает не сама картина, а идея транскрипции или пародии.

Хочется чистосердечного созерцания спектакля. А не ленивой мысли: ну-ка, посмотрим, как они там «Короля Лира» переплясали...

13 сентября 2010

Попытался поговорить с друзьями о своих вчерашних мыслях. Возражения можно свести к двум главным пунктам.

Во-первых, нам очень хорошо понятны эмоции и чувства людей, живших пятьсот и более лет назад. Во-вторых, главные человеческие проблемы — например, выбор Гамлета («что делать человеку в прогнившем аморальном обществе») или выбор Медеи («отчаяние покинутой женщины») — описаны классиками так глубоко и мощно, что современным авторам нечего добавить без риска впасть в плагиат.

Итак, первое. Мне непонятны эмоции обиженного принца, который этак походя убивает нескольких человек собственными руками, а нескольких — путем интриг и совершенно равнодушен к чужой смерти, к чужим страданиям. Я не понимаю феодального чувства чести. Но это я о себе говорю, только о себе.

Второе. Зачем же такое культурное пораженчество? Что, дескать, современным авторам и добавить нечего.

Думаю, есть чего. Каждое произведение — дитя времени и места.

О «выборе, который делает человек в прогнившем аморальном обществе» — при чем тут Гамлет? Он так же аморален — вернее, внеморален, имморален — как все остальные персонажи пьесы. Им движет месть за честь. Медея — это вообще дремучая архаика.

О выборе, который делает человек в прогнившем аморальном обществе, — рекомендую «Доктора Фаустуса» Томаса Манна. «Мефисто» Клауса Манна. «Каждый умирает в одиночку» Ганса Фаллады. «Факультет ненужных вещей» Домбровского. Здесь действительно выбор и мораль.

Ни один из гениев прошлого не написал ничего равного «Скучной истории» Чехова, «Постороннему» Камю, «Процессу» и «Замку» Кафки, «Смерти в кредит» Селина и... список длинный. Сказанное, полагаю, никак не уменьшает величия античной, средневековой, ренессансной классической литературы. А также литературы барокко и классицизма. Просто она — другая и про другое.

26 сентября 2010

Античная лирика. Хорошим ли поэтом был Окуджава?

Одни называют покойного поэта мертвым львом, а его критиков — шакалами. Другие говорят о прописных истинах, напетых блеющим голосом. Или о том, что он намертво завяз в 1960–70-х. Застыл в них, как муха в янтаре.

Нет поэтов вне истории. Когда-то Гомера пели под гитару (кифару). Другие под нее же пели любовные строфы Сапфо. А на стадионах гремели стихи Пиндара, их пели хором. Сейчас их с лупой читают студенты-филологи. Они остаются великими, но перестали быть актуальными. Вот в какой ряд я ставлю Окуджаву. Надеюсь, его поклонники не обидятся.

Окуджава прославился в эпоху дефицита.

Я не о продуктах. Я о дефиците художественности и эмоций. Окуджава был изыскан, красив, метафоричен. У него были громадные, на всю песню, метафоры, вроде «в склянке темного стекла» или «синий троллейбус». Но

внутри себя эти метафоры были вполне реалистичные и даже бытовые. Структура почти как у Гомера. А в советской поэзии образность не приветствовалась. Был такой, что ли, некрасовский стиль, вроде Твардовского. А если да, то это была какая-то пустая, гремучая образность. Я не говорю об Ахматовой и Пастернаке, потому что это были не советские поэты. Их нелояльность мешала советскому человеку получать эстетическое наслаждение.

Окуджава же был очень советским. Он был весь лоялен. Он любил «ту единственную, гражданскую», а его критика не выходила за рамки «осуждения культа личности».

Но он был задушевен, тепл, добр. Тоже черта не совсем советская. Нам говорили «жалость унижает». А Окуджава жалел героя и читателя. Московский муравей. Ваше величество женщина. Девочка плачет, шарик улетел. Окуджава учил добру. Дверям закрытым грош цена. Возьмемся за руки, друзья. У стихов Окуджавы был самый надежный носитель: непрофессиональный голос под неумелый гитарный перебор. Отсюда и любовь к нему. Понятная, объяснимая, вызывающая уважение.

Хороший он был поэт? Да. Хороший. Очень хороший. Но – маленький.

5 декабря 2010

Вчера на *Non-fiction* меня спросили: «Какой роман сейчас нужен? Чтобы заинтересовать читателя?»

Ну, этого никто не знает. Знали бы – написали бы давно.

И тем не менее. Я подумал, что в русской литературе XX века есть как минимум два тематических провала. У нас нет романов, похожих на «Триумфальную арку» и «Каждый умирает в одиночку». Я нарочно назвал вещи не гениальные, не великие – но необходимые.

Роман про оккупацию и про бунт простого человека.

Про большой город (Ростов, Одессу, Киев или Николаев) – под немцами. Но не про героев сопротивления, а, скажем, про врача или инженера водоканала. Который продолжает работать в ужасных «предлагаемых обстоятельствах». Обеспечивает медпомощью (или водой)